

Мигуэль де Сервантес Сааведра

Дон Кихот Ламанчский

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д25

Д25 **де Сервантес Сааведра М.**
Дон Кихот Ламанчский / Мигуэль де Сервантес Сааведра – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 518 с.

ISBN 978-5-518-09983-8

ISBN 978-5-518-09983-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДОНЪ-КИХОТЬ ЛАМАНЧСКІЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Въ небольшомъ мѣстечкѣ Ламанча, — имени его я не хочу вспоминать, — жилъ недавно одинъ изъ тѣхъ гидальго, у которыхъ можно найти старинный щитъ, копье на полѣ, тощую клячу и гончую собаку. Кусокъ отварной баранины, изрѣдка говядины — къ обѣду, винигретъ — вечеромъ, кушанье *скорби и сокрушенія* — по субботамъ*), чечевица — по пятницамъ и пара голубей, приготовлявшихся, сверхъ обыкновеннаго, въ воскресенье, поглощали три четверти его годового дохода. Остальная четверть расходовалась на платье его, состоявшее изъ тонкаго, суконнаго полугафтанья съ плисовыми панталонами и такими же туфлями, надѣваемыми въ праздникъ, и камзола изъ лучшей туземной саржи, носимаго имъ въ будни.

При немъ жила экономка, перевалившая за сорокъ, племянница, не достигшая двадцати лѣтъ, и слуга, умѣвшій работать въ полѣ, ходить за лошадыю и владѣть винограднымъ ножомъ. Приближаясь къ пятидесятилѣтнему возрасту, худой и сухощавый, герой нашъ отличался крѣпкимъ здоровьемъ, вставалъ

---

*) Кушаньемъ скорби и сокрушенія называлась въ Испаніи похлебка, приготовляемая изъ потроховъ и конечностей животныхъ, околѣвавшихъ въ теченіи недѣли. Это было единственное мясное блюдо, дозволенное въ субботу и извѣстное въ народѣ подъ вышесказаннымъ названіемъ.

до зари и страстно любилъ охоту. На счетъ настоящаго имени его, біографы говорятъ разнѣ: одни называютъ его Кихада, другіе Кизада; между тѣмъ самыя добросовѣстные изысканія по этому предмету заставляютъ думать, что онъ звался Кихана. Впрочемъ это не касается дѣла, — постараемся только во всемъ остальномъ, относящемся къ нашей исторіи, не удалиться отъ истины.

Нужно сказать, что въ свободное время, занимавшее у нашего гидальго чуть ли не 365 дней въ году, онъ съ непонятнымъ наслажденіемъ предавался чтенію рыцарскихъ книгъ и собралъ ихъ въ своей бібліотекѣ сколько могъ; въ особенности нравились ему сочиненія славнаго Фелиціана Сильвы. Онъ восхищался несравненной ясностью и блескомъ его прозы и несравненными тирадами, въ родѣ слѣдующихъ: *сужденія, которыми вы осуждаете мои разсужденія, въ такой мѣрѣ вліяютъ на мои сужденія, что я не безъ разсужденія осуждаю вашу красоту; или высокія небеса, божественно вашу божественность при посредствѣ звездъ утверждающія, содѣлываютъ васъ достойными достоинствъ, достойныхъ вашего величія.*

Отъ подобныхъ фразъ у героя нашего заходилъ, что называется, умъ за разумъ. Цѣлыя ночи напролетъ ломалъ онъ голову, добываясь въ нихъ смысла; — трудъ, оказавшійся бы не подъ силу самому Аристотелю, еслибъ знаменитый мудрецъ воскресъ нарочно для этой цѣли. Мало безпокоясь о безчисленныхъ ранахъ, полученныхъ и нанесенныхъ донъ-Беліанисомъ, и полагая, что, не смотря на все искусство лечившихъ его докторовъ, такой славный рыцарь долженъ былъ имѣть израненное тѣло и покрытое шрамами лицо, онъ восхищался только остроуміемъ, съ какимъ авторъ Беліаниса закончилъ свою неоконченную книгу. Часто ему приходило желаніе взяться за перо и самому докончить её, что, вѣроятно, онъ сдѣлалъ бы съ полнымъ успѣхомъ, еслибъ умъ его не былъ ужъ занятъ другими, несравненно важнѣйшими мыслями. Много разъ доводилось ему спорить съ священникомъ его де-

ревни, человѣкомъ ученымъ, удостоеннымъ ученой степени въ Зигуенцѣ *) о томъ, которому изъ рыцарей слѣдуетъ отдать палму первенства: Пальмерину англійскому или Амадису Гальскому? Присутствовавшій при этихъ спорахъ цирюльникъ, сиборъ Николай, утверждалъ, что ни одинъ рыцарь не могъ сравняться съ рыцаремъ Фебомъ, и что ближе всѣхъ подходитъ къ нему безспорно донъ-Галаоръ, братъ Амадиса Гальскаго, который, нисколько не уступая самому Амадису въ самоотверженіи и мужествѣ, не былъ однако такимъ капризнымъ плаксою, какъ его братецъ.

Гидальго нашъ, мало по малу, до того пристрастился къ рыцарскимъ книгамъ, что въ чтеніи ихъ проводилъ дни и ночи, и кончилъ тѣмъ, что, въ слѣдствіе усиленнаго бодрствованія и чтенія, мозгъ его разстроился, и онъ сошелъ съ ума. Ему то и дѣло грезились поединки, битвы, волшебники, бури, любовь, раны и тому подобный сумбуръ, наполнявшій его любимыя книги. И такъ полно убѣжденъ онъ былъ въ истинѣ всего этого, что для него въ цѣломъ мірѣ не существовало рѣшительно ничего, достойнаго бдльшаго довѣрія. Онъ говорилъ, что хотя Сидъ-Руи-Діазъ былъ, конечно, рыцарь не изъ послѣднихъ, но что онъ далеко не можетъ равняться съ рыцаремъ *Пылающаго Меча*, который однимъ ударомъ разсѣкъ пополамъ двухъ чудовищныхъ и свирѣпыхъ великановъ. Онъ глубоко уважалъ Бернардо дель Карріо за то, что въ Ронсевальской долинѣ, онъ умертвилъ очарованнаго Роланда, воспользовавшись уловкой Геркулеса, при помощи которой этотъ силачъ задушилъ въ своихъ рукахъ Антея, названнаго сыномъ земли. Съ большою похвалою отзывался онъ также о великанѣ Морганѣ, единомъ благородномъ исключеніи изъ свирѣпаго сонма великановъ. Но героемъ его, по преимуществу, былъ Рейнальдъ Монтальванскій, особенно когда онъ мерещился ему выходящимъ изъ своего замка грабить каж-

*) Выраженіе проницеское. Въ Испаніи въ то время смѣялись надъ претензіями разныхъ маленькихъ университетовъ и надъ восштанниками ихъ.

даго встрѣчнаго, или отправляющимся за море похищать идолъ Магомета, вылитый изъ чистаго золота, какъ увѣряеть исторія. Что же касается измѣнника Ганелона, то за возможность отсчитать ему нѣсколько подзатыльниковъ онъ охотно отдалъ бы свою эконожку съ племянницей въ придачу.

Рехнувшись окончательно, герой нашъ задумалъ одно изъ самыхъ безумныхъ предпріятій, какія приходили когда либо въ голову полуумнымъ. Ему казалось необходимымъ, какъ для собственной славы, такъ для блага и славы родной страны своей, сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ; и рыская по свѣту на конѣ съ оружіемъ въ рукахъ, ища приключеній, карая зло, возстановляя правду, защищая гонимыхъ и сирыхъ, пускаясь наконецъ въ самыя ужасныя приключенія, покрыть себя неувядаемой славой. Ему уже мерещилось, какъ, благодаря своему мужеству, онъ дѣлается на худой счетъ Трапезондскимъ императоромъ. Увлекаемый этими сумазбродными мечтами, онъ только и думалъ, какъ бы поскорѣе привести намѣреніе въ дѣло; и прежде всего позаботился о своемъ правдѣдовскомъ оружіи, давно покоившимся въ пыли, въ одномъ изъ забытыхъ угловъ его дома. Доставъ, вычистивъ и починивъ его, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что отъ шлема, нѣкогда цѣлаго, оставался только шишакъ. Призвавъ на помощь все свое искусство, онъ, при помощи картона и оставшаго въ цѣлости шишака, устроилъ что-то въ родѣ шлема. Но когда онъ пожелалъ убѣдиться въ прочности своей работы и нанесъ устроенному имъ шлему два шпажныхъ удара, то первый изъ нихъ сразу разрушилъ весь его недѣльный трудъ. Неудача эта, хотя и не совсѣмъ пріятная для нашего гидаго, не обезкуражила его однако. Онъ принялся вторично работать надъ шлемомъ и, чтобы придать ему возможную прочность, придѣлалъ къ нему желѣзныя застѣжки. Не желая, однако, во второй разъ испытать прочность своей работы, онъ счелъ ее оконченною и вообразилъ себя обладателемъ самаго прочнаго шлема въ мірѣ.

Покончивъ съ оружіемъ, онъ отправился осмотрѣть збрую

и своего верхового коня. И хотя конь этотъ былъ болѣе жалокъ, нежели самъ знаменитый конь Гонеля, состоявшій, исключительно, изъ кожи и костей, онъ показался ему, однако, прекраснѣе александровскаго Букефала и Бабіеки рыцаря Сиды. Четыре дня ломалъ онъ голову, прискивая этой несравненной лошади достойное ея имя. Возможно ли, думалъ онъ, чтобы конь такого славнаго рыцаря, къ тому же превосходный самъ по себѣ, не имѣлъ какого нибудь извѣстнаго имени. Если господинъ перемѣняетъ свое имя и общественное положеніе, то конь его можетъ и даже долженъ, ради этого случая, также перемѣнить свое имя на другое, болѣе звучное и соответствующее его новому положенію. Перебравъ, удлинивъ, укоротивъ и перевернувъ на всѣ лады множество различныхъ именъ, онъ остановился наконецъ на имени Россинанта, показавшемся ему звучнымъ, сильнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ первой лошади въ мірѣ. Придумавъ имя своему коню, онъ рѣшился придумать имя и самому себѣ, и послѣ новаго недѣльнаго размышленія, рѣшился назвать себя *Донъ-Кихотомъ*, названіе, подавшее поводъ его историкамъ предполагать, что настоящее имя его было Кихада, а не *Бизада*, какъ утверждаютъ другіе.

Припоминая, однако, что славный Амадисъ никогда не назывался просто Амадисомъ, но, вѣроятно съ цѣлію прославить и возвеличить свою родину, присвокупилъ къ своему имени названіе Гальскій; герой нашъ, чтобы ни въ чемъ не отступать отъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, рѣшился также назвать себя не просто *Донъ-Кихотомъ*, а *Донъ-Кихотомъ Ламанскимъ*, увѣренный, что онъ также возвеличитъ и прославитъ мѣсто своего рожденія.

Вычистивъ оружіе, смастеривъ шлемъ, прискавъ имя себѣ и своему коню, герой нашъ увидѣлъ, что ему не доставало только дамы, въ которую онъ могъ бы влюбиться, такъ какъ рыцарь безъ дамы и любви походить на дерево безъ листьевъ, на тѣло безъ души. Онъ говорилъ себѣ: если въ наказаніе за мои грѣхи или, скорѣе, благодаря счастливой

звѣздѣ моей, мнѣ случится встрѣтиться съ какимъ нибудь великаномъ, какъ это въ частую случается странствующимъ рыцарямъ, если съ перваго удара я поражу или даже проколю его насквозь, и онъ очутится въ моей власти, тогда мнѣ необходимо будетъ имѣть даму, къ которой я могъ бы послать побѣжденнаго мною великана, дабы, навъ передъ нею ницъ, онъ сказалъ ей покорнымъ голосомъ: «высокая дама! я великанъ Каракалѹмбро, владѣтель Маландаринскаго острова, побѣженный на поедингѣ безстрашнымъ и на всегда славнымъ рыцаремъ Донъ-Кихотомъ Ламанчскимъ, по приказанію котораго я прихожу пасть ницъ предъ вашей красотой и у вашихъ ногъ ждаты вашихъ повелѣній. «О, какъ счастливъ былъ нашъ гидальго, сложивъ эту пышную тираду. Но радость его была еще полнѣе, когда онъ нашелъ наконецъ ту, которой суждено было очаровать его сердце и поработить его мысли. Этой волшебницей стала, сама того не зная, молодая, хорошенькая поселанка Альдонзо Лорензо. Истративъ много времени на присканіе ей названія, которое бы, гармонируя съ его собственнымъ, заставляло видѣть въ ней принцессу или другую высокую даму, онъ назвалъ ее наконецъ Дульцинеей Тобозской. Последнее слово указывало на мѣсторожденіе ея — деревню Тобозо. Имя, присканное имъ своей красавицѣ, показалось ему столь же звучнымъ, благороднымъ и возвышеннымъ, какъ имена, данныя имъ себѣ и своему коню.

ГЛАВА II.

Покончивъ со всѣми приготовленіями, гидальго нашъ не хотѣлъ болѣе медлить приведеніемъ въ исполненіе задуманнаго имъ предпріятія, считая уже себя отвѣтственнымъ за всѣ неоплаченные долги, неотомщенные обиды, ненаказанные преступленія, словомъ за все зло, допускаемое бездѣйствіемъ его тяготѣть надъ землею. И вотъ на зарѣ одного изъ самыхъ жаркихъ іюльскихъ дней, никѣмъ не замѣчен-

ный, не доверившись ни одной живой душѣ, онъ осѣдываетъ Россинанта, кладетъ ногу въ стремя — и съ опущеннымъ забраломъ, съ щитомъ въ рукѣ, съ копьемъ въ кулакѣ, выѣзжаетъ чрезъ задній дворъ своего дома, восхищенный легкостью, съ какою онъ привелъ въ исполненіе свой благородный проэктъ. Не успѣлъ онъ, однако, сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ съ ужасомъ вспомнилъ, что, не будучи посвященъ въ рыцари, онъ, по законамъ этого братства, не можетъ вступить въ битву ни съ однимъ рыцаремъ, и что, еслибъ онъ былъ даже посвященъ, то, какъ новичекъ, имѣетъ право носить только бѣлое оружіе, т. е. безъ девиза на щитѣ, пока не добудетъ его собственнымъ мужествомъ. Мысль эта до такой степени смутила его, что онъ чуть было не вернулся домой, но, увлекаемый своимъ стумашествомъ, и основываясь на многочисленныхъ примѣрахъ, вычитанныхъ имъ въ его книгахъ, онъ задумалъ посвятить себя въ желаемое имъ званіе, при посредствѣ перваго встрѣченнаго имъ рыцаря. Что же касается оружія, то онъ поглялся, во время своихъ странствованій, такъ хорошо вычистить свои доспѣхи, чтобы они могли спорить бѣлизной съ горностаемъ. Успокоенный такимъ рѣшеніемъ, онъ спокойно продолжалъ путь, доверившись своему коню, и увѣренный, что такъ долженъ поступать всякій искатель приключеній.

Покончивъ съ одолѣвавшими его сомнѣніями, герой нашъ говорилъ самому себѣ: «когда историкъ грядущихъ вѣговъ станетъ писать мои великіе подвиги, тогда, нѣтъ сомнѣнія, онъ такъ расскажетъ мой нынѣшній выѣздъ: едва лишь свѣтотозарный Фебъ началъ раскидывать золотые локоны своихъ роскошныхъ волосъ надъ пробуждавшимся лономъ земли; едва лишь раннія птички, блистая тысячами цвѣтовъ, огласили воздухъ своими мелодичными пѣснями, привѣтствуя появленіе блѣдно-розовой авроры, погинувшей ложе своего ревниваго супруга и шедшей освѣщать небеса Ламанча, какъ знаменитый рыцарь Донъ-Кихоть Ламанчскій, разставшись съ мягкой постелью, осѣдлалъ своего вѣрнаго Россинанта и пу-

стился въ путь по древней и славной монтиельской долигѣ». На этой долигѣ герой нашъ находился въ описываемую минуту. «О, счастливый вѣкъ», добавилъ онъ, «которому суждено узрѣть въ полномъ свѣтѣ совершенныя мною дѣла, достойныя быть отчеканенными на чугуи и мраморѣ, да живутъ онѣ, не умирая, въ примѣръ и поученіе грядущимъ поколѣніямъ! А ты, кто бы ты ни былъ, мудрый волшебникъ, счастливый выпавшимъ тебѣ удѣломъ описать мои безсмертныя похождения, молю, не позабудь моего вѣрнаго Россинанта, дорогаго товарища моего въ моихъ непрерывныхъ странствованіяхъ!» Потомъ, какъ-бы въ любовномъ порывѣ, онъ воскликнулъ: «О Дульцинея, владычица моего порабощеннаго сердца! Какимъ испытаніямъ ты подвергаешь его суровымъ отказомъ лицезрѣть твою несравненную красоту! Но пусть оно хоть напоминаетъ тебѣ о мученіяхъ, испытываемыхъ имъ изъ за тебя.» Къ этимъ бреднямъ онъ присовокупилъ сотню другихъ, столько же восторженныхъ и вычитанныхъ имъ въ его книгахъ, слогу которыхъ онъ подражалъ теперь, не замѣчая, что высоко поднявшееся солнце пекло его голову съ силою, вполне достаточною растопить ту небольшую частицу мозга, которая могла еще оставаться у него. Такимъ образомъ герой нашъ пространствовалъ цѣлый день, не наткнувшись ни на какое приключеніе, что крайне огорчало его; такъ сильно желалъ ужъ онъ явить міру опытъ своего мужества. Нѣкоторые писатели говорятъ, что первымъ его подвигомъ, было дѣло въ лапискомъ приходѣ; другіе относятъ это къ битвѣ съ вѣтранными мельницами; все же, что я могъ открыть по этому поводу въ ламанчскихъ лѣтописяхъ, это-то, что герой нашъ, пространствовавъ до заката солнца и умирая съ конемъ своимъ отъ голода, такъ сильно усталъ съ нимъ, что оба они едва держались на ногахъ. Глядя во всѣ стороны съ намѣреніемъ открыть какое нибудь убѣжище, въ которомъ можно бы было отдохнуть, онъ увидѣлъ наконецъ заѣзжій домъ, засіявшій предъ нимъ какъ звѣзда, долженствовавшая привести его къ оби-

тели спасенія. Припоривъ Россинанта, онъ подъѣхалъ къ этому дому уже въ сумерки. У воротъ его шалили въ это время двѣ молодыя госпожи, принадлежавшія къ разряду женщинъ, поведеніе которыхъ называется сомнительнымъ. Онѣ шли въ Севилью съ погонщиками муловъ, остановившихся ночевать въ заѣземъ домѣ. Такъ какъ герой нашъ всюду видѣлъ лишь то, что вычиталъ въ своихъ книгахъ, поэтому не успѣлъ онъ замѣтить несчастнаго заѣзжаго дома, какъ уже принялъ его за великолѣпный замокъ, съ четырьмя башнями, сіявшими на солнцѣ своими посеребренными вершинами, съ рвами и подземными мостами, словомъ, со всѣми принадлежностями, встречающимися въ книжныхъ описаніяхъ рыцарскихъ жилищъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ воображаемаго замка Донъ-Кихотъ придержалъ за узду своего коня, ожидая появленія между зубцами стѣнъ карла, долженствовавшаго трубнымъ звукомъ возвѣстить прибытіе рыцаря, но какъ ничего подобнаго не случилось, и какъ при томъ Россинантъ изъяслялъ рѣшительное намѣреніе попасть скорѣе въ конюшню; поэтому Донъ-Кихотъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и тутъ замѣтилъ двухъ знакомыхъ намъ женщинъ, показавшихся ему двумя благородными дѣвушками, прогуливавшимися у воротъ замка. Проходившій мимо пастухъ затрубилъ въ это время въ рогъ, сзывая свое стадо, и герой нашъ, убѣжденный, что это подавался сигналъ, возвѣщавшій его пріездъ, поспѣшилъ подъѣхать къ замѣченнымъ имъ женщинамъ, которыя, видя приближеніе незнакомца, вооруженнаго съ ногъ до головы, бросились бѣжать отъ него. Угадывая причину испуга ихъ, Донъ-Кихотъ приподнял забрало и, открывъ до половины свое худое, запыленное лицо, проговорилъ спокойнымъ и пріятнымъ голосомъ: «прекрасныя сеньоры, не убѣгайте и не опасайтесь съ моей стороны никакого оскорбленія. Законы рыцарей, которые клялся я исполнять, запрещаютъ оскорблять кого-бы то ни было, тѣмъ болѣе такихъ благородныхъ дѣвушекъ, какими кажетесь вы». Женщины смотрѣли на него съ невыразимымъ удивленіемъ, стараясь заглянуть

ему въ лицо, скрываемое дурнымъ забраломъ, но при словѣ дѣвушки, которымъ почтили ихъ нашъ герой, онѣ не могли не разсмѣяться. «Скромность прилична красотѣ», сказалъ строгимъ голосомъ Донъ-Кихоть, «а смѣяться надъ тѣмъ, что не смѣшно, неприлично никому. Если я это говорю, то вѣрьте, не съ намѣреніемъ оскорбить васъ или смутить веселое расположение духа, въ которомъ васъ застаю, — нисколько. Единственнымъ желаніемъ моимъ было и остается служить вамъ чѣмъ могу». Эти слова, вмѣстѣ съ странной фигурой говорившаго, ихъ разсмѣшили еще больше нашихъ веселыхъ странницъ, и дѣло приняло бы не совсѣмъ благопріятный оборотъ, еслибъ на выручку ихъ не подоспѣлъ трактирщикъ, человѣкъ чрезвычайно толстый и чрезвычайно миролюбивый. При видѣ незнакомца, вооруженнаго до зубовъ сборомъ всевозможнаго оружія, онъ самъ чуть было не разсмѣялся, но, почувствовавъ вблизи себя цѣлый арсеналь, спохватился и обратился къ пріѣзжему съ слѣдующими словами: «господинъ рыцарь, если вы желаете переночевать въ этомъ домѣ, то, кромѣ постелей, которыхъ не остается у меня ни одной, вы найдете въ достаточномъ количествѣ все остальное, нужное для ночлега.» На вѣжливое предложеніе трактирщика, принятаго Донъ-Кихотомъ за управляющаго замкомъ, онъ отвѣчалъ: «господинъ кастелянъ, я довольствуюсь малымъ:

Оружіе, вотъ мой нарядъ,
И битвы отдыхъ мой.

Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ трактирщикъ:

Скала должна быть вашимъ ложемъ
И бодрствованье вашимъ сномъ,

если это такъ, то вы можете смѣло располагаться въ моемъ домѣ, въ которомъ найдете полную возможность провести безъ сна не только одну ночь, но даже цѣлый годъ.» Сказавъ это, онъ поспѣшилъ поддержать рыцарю стремя, и Донъ-Кихоть началъ слѣзать съ лошади съ тѣми усиліями, къ какимъ